

А.А. Митрофанов*

ЭХО РОЯЛИСТСКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА СТРАНИЦАХ ПАРИЖСКОЙ ГАЗЕТЫ *JOURNAL DE L'EMPIRE*¹

Император Александр I в январе 1814 г. писал о роли Бурбонов: «Франция больше их не знает и никогда не пожелает их»². Несмотря на регулярную переписку между Александром и Людовиком XVIII (тогда еще, в зависимости от адресата, использовавшего титулы графа Лилльского или Прованского), которая велась с 1813 г., они не испытывали друг к другу доверия. Как отмечает М.-П. Рей, «царь презирал Бурбонов, считая их недостойными вновь занять французский престол, а будущий король злился на подобное к нему отношение и на уступки, в его глазах неоправданные, которых Александр I от него требовал»³. Истоки таких взаимоотношений нередко связывают со злополучным визитом Александра в курляндскую резиденцию претендента на престол в 1807 г., когда царь «выразил свое неприязненное отношение к идее реставрации прежнего французского монархического порядка»⁴, а брат Людовика XVI без энтузиазма и слишком высокомерно встретил такое пожелание своего венценосного благодетеля. Ближайшее окружение Александра, в том числе и выдающийся дипломат К.В. Нессельроде, также осознавало существовавшую опасность погружения Франции в бесконечную гражданскую войну в том случае, если Россия оружием поддержит дело Бурбонов. Вплоть до вступления в Париж союзных армий царь полагал, что против восстановления Бурбонов на троне выступят армия, «новые поколения» и даже сам «дух времени»⁵. Тем не менее именно Людовику XVIII было суждено взойти в 1814 г. на трон предков, и в этом событии огромная роль принадлежала парижской прессе и французскому интеллектуальному сообществу.

Если не принимать в расчет узкий слой просвещенной элиты, а также жителей крупных портов, южных регионов страны и Вандеи, где были наиболее активны роялистские агенты, то основным источником поли-

* Андрей Александрович Митрофанов, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ грант № 12-31-01238 «Образ России во французской прессе в период Французской революции и Наполеоновскую эпоху».

² *Waresquiel E. de, Yvert B. Histoire de la Restauration 1814–1830. P., 2012. P. 32.*

³ *Рэй М.-П. Александр I. М., 2013. С. 303.*

⁴ Там же. С. 199.

⁵ *Waresquiel E. de, Yvert B. Op. cit. P.32.*

тических новостей все же оставалась пресса. На примере одной из самых успешных и самых читаемых газет Парижа *Journal de l'Empire* мы попытаемся реконструировать отношение к политической эмиграции в общественном мнении столицы в период Первой империи.

Обращаясь к истории прессы, мы неизбежно соприкасаемся с историей конструирования французами своей национальной идентичности. Несмотря на цензурную политику властей империи, которая хорошо изучена, мы попытаемся показать отношение парижского официоза к одной из наиболее значимых для общественного сознания постреволюционной эпохи групп – роялистской эмиграции, во главе которой находились члены дома Бурбонов. В переломные периоды образы «Других» служили важнейшим и даже определяющим критерием для политической самоидентификации нации. В этой роли оказывались то воображаемые этноконфессиональные группы (например, «северные варвары»), то существовавшие в реальности персонажи (У. Питт, Екатерина II, герцог Брауншвейгский, принц Конде), то целые народы, или всевозможные политические оппоненты («неприсягнувшие священники», «аристократы», «бриссотинцы», «снисходительные», «террористы» и т. д.)⁶. Но если Российская империя почти на протяжении всего революционного десятилетия выжидала, воздерживаясь от прямого военного конфликта с Францией, и потому оставалась удобной мишенью для риторических уколов парижских политиков⁷, то к роялистской эмиграции, идеальной в качестве примера «чуждости», французы сохраняли особое отношение.

В качестве источника мы неслучайно выбрали *Journal de l'Empire* (это название было определено для газеты императором в 1805 г., ранее она выходила под названием *Journal des débats et des décrets*). Во-первых, эта газета была одной из старейших, основанных еще в 1789 г. В 1799 г. *Journal des débats et des décrets*, приобретенная братьями Франсуа и Луи Бертенами совместно с Ру-Лабори и издателем Ленорманом, обрела второе дыхание, но при этом слишком явно приняла сторону роялистов, что создавало немалые трудности в обстановке укрепления нового режима – Консульства. По всей видимости, собственник газеты – Франсуа Бертен-старший – вызывал у новой власти и особенно у Ж. Фуше столь серьезные опасения, что в 1800 г. он был арестован и оказался в Тампле, а затем был сослан на о. Эльба. Однако благодаря коллективу талантливых

⁶ *Wahnich S.* L'impossible citoyen: l'étranger dans le discours de la Révolution française. P., 1997.

⁷ См. например: *Митрофанов А.А.* Революционная публицистика и периодическая печать Франции эпохи якобинской диктатуры о России // Россия и Франция. XVIII–XIX вв. М., 2009. Вып. 9. С. 69–99.

редакторов (среди которых были Шатобриан, Бональд, Жоффруа, Фьеве, Мальт-Брюн, Руайе-Колар) газета, в отличие от десятков других политических изданий, сумела не только выжить, но и приобрести необыкновенную популярность⁸.

Изменив название, преуспевающее издание вовсе не растеряло аудиторию. По остроумному замечанию императора, часто критиковавшего редакторов и журналистов, весной 1807 г. *Journal de l'Empire* все еще оставалась «единственной газетой, которую читают во Франции»⁹. В этом отношении она успешно соперничала со знаменитой *Moniteur* и даже превосходила ее. Это периодическое издание действительно пользовалось своим официальным статусом и только увеличило свою популярность после 1810 г., когда количество общественно-политических газет в Париже было принудительно сокращено до четырех. В 1812 г. *Journal de l'Empire* имела 23 500 подписчиков и приносила государству и акционерам солидный доход¹⁰.

В 1810 г. в империи была реорганизована система цензуры. Декрет от 5 февраля придал предварительной цензуре репрессивный характер. Существовало два цензурных ведомства, которые также занимались взаимным контролем. Одно из них – созданная в Министерстве внутренних дел Генеральная дирекция по печати и книжной торговле – занималась неперидическими изданиями. Ее возглавлял государственный советник Ж.-М. Порталис (сын редактора Гражданского кодекса), а позже генерал Ф.-Р. Померель. Вторым цензурным ведомством оставалось непосредственно министерство полиции. Анн-Жанн-Мари-Рене Савари, герцог де Ровиго (1774–1833), сменивший Ж. Фуше на посту министра, привнес новое в работу пропагандистской машины и ужесточил цензуру¹¹. Во всех своих действиях он старался послушно исполнять волю императора. При этом избегая ухудшения отношений с роялистами и сурово преследуя тех, кого было принято называть «людьми 93-го года», то есть бывших монтаньяров и левых активистов 1799 г. Именно Савари

⁸ Histoire générale de la presse française. Т. 1. Des origines à 1814. P., 1969. P. 560–561. Основания подозревать в роялизме Бергена-старшего, несомненно, были. Сын одного из секретарей герцога Шуазеля раньше вращался в кругах, близких к королевскому двору. В 1795–1797 гг. Берген издавал газету *L'éclair*, отражавшую идеологию Клуба Клиши.

⁹ Слова из письма Наполеона – Фуше от 4 апреля 1807 года. Цит по: *Тарле Е.В.* Печать во Франции при Наполеоне I. М., 2010. С. 10.

¹⁰ *Тарле Е.В.* Ук. соч. С. 10, 32.

¹¹ *Granata V.* Marché du livre, censure et littérature clandestine dans la France de l'époque napoléonienne: les années 1810–1814 // *Annales historiques de la Révolution française.* № 343. Janvier-mars 2006. P. 93–122, P. 95; *Туган-Барановский Д.М.* «Лошадь, которую я пытался обуздать» (печать при Наполеоне) // *НиНИ.* 1995. № 3. С. 158–179.

ри приблизил к себе нескольких видных роялистов и вплоть до падения империи негласно поддерживал отношения с Талейраном¹². Отметим, что лояльность к роялистам вовсе не была официальной линией правительства. Среди преследовавшихся полицией «опасных» книг оказались бестселлеры монархической пропаганды ностальгического или агиографического характера, такие как «Завещание» и тайная переписка Людовика XVI, «Максимы и мысли Людовика XVI и Марии Антуанетты», «Дневник Клеры», биография и «Мемуары Мадам Елизаветы», «Воспоминания принцессы Ламбаль», «Кладбище Мадлен», «Воспоминания теток короля» или «Узники Тампля»¹³.

Для поиска статей и упоминаний о роялистской эмиграции, а также видных монархистах, членах семьи Бурбонов, мы обратились к материалам газеты за 1806–1814 гг. С одной стороны, такое хронологическое ограничение имеет условный характер и связано с ограниченным объемом статьи. С другой стороны, шаги Бонапарта по отношению к эмигрантам в самом начале Консульства существенно изменили характер и состав эмиграции: из широкого социально-культурного явления она сузилась до сугубо политической эмиграции высшей аристократии, наиболее тесно связанной с домом Бурбонов. В 1800 г. был официально закрыт «Всеобщий алфавитный список эмигрантов республики», существовавший с весны 1792 г. и насчитывавший более 145 000 имен. Всем желающим было разрешено вернуться на родину при условии принесения клятвы в верности конституции VIII года¹⁴.

Когда компромисс между первым консулом и элитами по вопросу провозглашения империи все же был достигнут, прежнее, довольно острое неприятие темы монархии, доминировавшее среди видных революционеров, офицеров и ученых, сменилось глухим ропотом. Официальные издания империи без видимого труда овладели монархической риторикой¹⁵. В то же время Наполеон ощущал наличие неразрешенного конфликта между старой и новой элитами. Позднее он заметил: «Моя явная склонность к ним (аристократам-эмигрантам. – *А.М.*) наносит мне немалый вред и делает весьма непопулярным здесь, во Франции... Я занят обновлением общества и нации, и в связи с этим различные общественные слои и прослойки, которые я вынужден использовать, нахо-

¹² См. подробнее: *Melchior-Bonnet B.* Un policier dans l'ombre de Napoléon, Savary, duc de Rovigo. P., 1962.

¹³ *Granata V.* Op. cit. P. 102.

¹⁴ Dictionnaire critique de la Révolution française. Acteurs / Sous dir. de F. Furet et M. Ozouf. P., 2007. P. 317.

¹⁵ См.: *Cabanis J.* Le Sacre de Napoléon. P., 2007. P. 206, 208.

дятся в состоянии вражды по отношению друг к другу. Аристократия и эмигранты являются всего лишь частичкой общества, и это общество враждебно к ним и продолжает испытывать озлобление в их адрес; оно едва ли прощает меня за то, что я призвал их. С моей стороны, я считал этот поступок своим долгом...»¹⁶

Вместе с тем всем было хорошо известно о принципиальном отношении Наполеона к Людовику XVIII и другим членам семьи Бурбонов. Предпринятая Людовиком XVIII летом 1800 г. попытка сближения с первым консулом имела результатом знаменитый ответ Бонапарта, в котором он напомнил брату Людовика XVI, что возвращение Бурбона на родину повлечет новую гражданскую войну и тому придется «перешагнуть через сто тысяч трупов»¹⁷. Императору вряд ли требовалось напоминать о своей угрозе «закрыть любую газету, которая только вспомнит о Бурбонах». Конкордат, провозглашение империи, создание тронов для братьев и сестер, женитьба на Марии-Луизе сопровождалась особым вниманием Наполеона к истории французской монархии, но не меняли его мнения о свергнутой династии. Такой твердости позиции консула способствовала прежде всего успешность политики Конкордата: религиозный мир во Франции был восстановлен, и Бурбоны утратили опору в лице католицизма. По авторитетному мнению Ж. Тюлара, «слабость роялистской оппозиции 1803-1809 гг. в какой-то мере объясняется умиротворением религиозного конфликта»¹⁸.

Принципы и методы описания врагов и союзников в периодической печати на протяжении империи менялись: цензурный гнет становился тяжелее. Газеты постепенно утрачивали роль основного источника информации о политике, войне, событиях за рубежом и даже о торговле. И серьезную конкуренцию им составляла частная переписка. Очень ярко эти тенденции проявились накануне и во время похода Великой армии в Россию в 1812 г.¹⁹

Те не менее в годы наполеоновской цензуры не существовало правил без известных исключений. Если раздел «Политика» в центральных газетах цензурировался и редактировался на самом высоком и порой «высочайшем» уровне, то другие разделы периодических изданий подчас от-

¹⁶ Лас-Каз, граф. Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне. В 2-х кн. М., 2010. Т. 2. С. 95.

¹⁷ Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 2009. С. 107. См. также: Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1971. С. 307, 308.

¹⁸ Тюлар Ж. Указ. соч. С. 113.

¹⁹ См.: Промыслов Н.В. Образ России на страницах газеты «Монитор» накануне войны 1812 года // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2006. Вып. 6.

личались более двусмысленным содержанием, где по различным причинам допускались некоторые отступления от жестких правил.

Напомним, что в годы Революции отношение властей к эмигрантам было весьма суровым²⁰, а военная кампания 1799 г. способствовала восприятию эмигрантов как военных противников и подданных монархов коалиции. Пропаганда Директории пыталась возродить патриотический пыл II года, для чего создавала в прессе и памфлетах сатирические образы «галло-русских», которые вместе с казаками сражались против французов в Италии и Швейцарии. Роялистский корпус принца Конде на самом деле хотя и принимал участие в этих кампаниях, но играл далеко не решающую роль²¹. Газеты при Консульстве уже не следили пристально за «одиссеей» братьев Людовика XVI и других членов королевской семьи, но обращали внимание на другие аспекты данной темы.

В связи с тем, что официальные публикации подлежали предварительной цензуре, огромную популярность у публики имел раздел фельетонов и рецензий *Journal de l'Empire*. В статье о литературе, искусстве и театре здесь можно было встретить редкие упоминания «персон нон грата».

В октябре 1806 г. *Journal de l'Empire* сообщала: «Только что напечатали “Жизнь Великого Конде”, написанную Луи-Жозефом де Бурбонном, бывшим принцем Конде. Рукопись находится у господина Леопольда Колена [книготорговца], который готов показать ее всем желающим и всем, кто мог бы усомниться в ее аутентичности»²². Напомним, что принц Конде, которого газета, словно придерживаясь республиканских традиций, именовала «бывшим», приходился дедом расстрелянному герцогу Энгиенскому и целое десятилетие возглавлял вооруженный корпус эмигрантов-роялистов²³.

Та же рубрика «Смесь» помещала разнообразные рецензии о книгах на злободневные темы истории и современности. 15 августа 1810 г. (редактор не случайно опубликовал этот материал в официальный день рождения Наполеона) в этой рубрике появилась пространная заметка, посвященная третьему изданию сборника писем и размышлений извест-

²⁰ Речь идет не только о периоде диктатуры монтаньяров, но и периодах «левого крена» в политике Директории. См. об этом: *Погосян В.А.* Переворот 18 фрюктидора V года во Франции. Ереван, 2004. С. 167–171.

²¹ *Васильев А.А.* Роялистский эмигрантский корпус принца Конде в Российской империи (1798–1799) // Великая Французская революция и Россия. М., 1989. С. 314–329.

²² *Journal de l'Empire*. 22.10.1806. Р. 3.

²³ Подробнее о корпусе Конде: *Бовыкин Д. Ю.* Эмигрантский корпус Конде на русской службе // Россия и Франция XVIII–XX веков. М., 2006. Вып. 7. С. 77–86.

ного литератора принца Шарля-Жозефа де Линя (1735–1814). Осведомленный читатель без труда угадывал, в чем состояла пикантность ситуации: инициатором переиздания лучших сочинений принца в одном томе была сама Жермена де Сталь, к которой Наполеон испытывал весьма неприязненные чувства. Светский лев, военный, талантливый литератор дореволюционных времен, де Линь рассматривался как литератор, прежде востребованный высшим светом, а теперь всеми покинутый: «Он был полностью забыт, как и его тридцать томов, и, он, может быть, был бы забыт еще сильнее, если бы мадам де Сталь не подала знак и не постаралась придать некоторую гласность и немного оживить эту великую тень, которая была как бы погребена в некоем углу Германии. О, суета сует!»²⁴ Автор статьи, с одной стороны, восхвалял мудрость и таланты баронессы де Сталь Гольштейн, а с другой – упрекал ее в тенденциозной подборке сочинений принца, которые изначально состояли не из одного, а из 30-ти томов. Отметим, что нас интересует другое: газетная статья содержала описание былого величия и роскоши Версаля, где блистал принц де Линь. Автор статьи дистанцировался от политических аллюзий, хотя множество дворян в это время благополучно вернулось во Францию, а иные вновь оказались на государственной службе. Нарочито подробное описание роскошной салонной жизни, журналист оставлял без комментариев: «Старый Версальский двор никогда не видел более блестящего героя. Ум, любезность, достоинство, прирожденное благородство – он обладал этими качествами. Знакомства с ним искали в наиболее известных салонах столицы, везде, где бы он ни был принят, он имел неизменный успех. Умеющий улавливать все оттенки, он приспосабливался к любым вкусам, был легок и непоследователен с легкомысленными, галантен и чувственен с дамами, серьезен и суров с политиками, вспыльчив и неудержим в пылу противостояния; не было собраний или увеселений, где бы он не побывал. Его видели повсюду, он занимался оранжереями, садами, председательствовал на праздниках, присутствовал на играх в “ландскнехт” у королевы, в “кавайноле” у Мадам, в “виск” у Месье, в “пятнадцать” у принца де Конде, в бильярд у короля и особенно на игре в “фараон” у принца де Конти: несмотря на многочисленные занятия и развлечения, он находил время оказывать знаки почтения модным актрисам, бывать в салонах у госпожи Дюдеффан и госпожи Жоффрен. В среде писателей и мыслителей он заставил обратить на себя внимание деликатностью, умом, живостью и удачными репликами. Рожденный в глубине Германии, он усвоил из французского политеса и

²⁴ *Journal de l'Empire*. 15.08.1810. P. 4.

городского образа жизни все, что там есть тонкого и деликатного. Он мог бы быть принят за настоящего француза при самом учтивом дворе Европы и, как говорит госпожа де Сталь, возможно, был тем единственным иностранцем, который в своем французском стиле служил образцом, а не подражателем»²⁵.

Рубрика «Смесь», предлагавшая вниманию читателей не только рецензии, но также обзоры и экскурсии в различные области знаний, порой уделяла внимание известным политическим персонажам дореволюционного времени (но никогда не здравствующим членам фамилии Бурбонов). Например, в связи с выходом в свет нового учебника по всеобщей истории «от сотворения мира до наших дней» особо отмечалось, что «последняя часть этой книги – история наших волнений – лучше всего написана, более последовательно и целостно, чем первые»²⁶. Автор рецензии цитировал главу о правлении Людовика XVI и его министрах Тюрго, графе Сен-Жермене, Ламуаньоне де Мальзербе, Морепа и Верженне. Философ и просветитель Тюрго заслуживал, с точки зрения автора, наименьшего внимания, ибо «хотя и мог восстановить порядок, но слишком любивший принципы философов-экономистов, он осмелился предоставить большую свободу торговле зерном, а это мероприятие стало причиной многочисленных бунтов и поводом для его отставки». Военный министр граф де Сен-Жермен, начавший было реформы в армии, также не добился успеха, вынужден был отступить перед бурей негодования военных. Зато под руководством Морепа и Верженна, «наиболее ловких и искушенных в придворных обычаях», кабинет добился больших успехов в 1770-е гг. в торговле, мореходстве, производстве, искусстве и науках: «Единодушие этих министров и таланты месье Неккера в управлении финансами обеспечили для Франции несколько лет блеска, счастья и процветания»²⁷.

Наиболее деликатным сюжетом для цензуры оставалась именно история Франции, поскольку исторический нарратив был немислим без повествования о Бурбонах. Цензура нередко задерживала печать книг, в которых речь шла о популярных или известных королях, таких как Генрих IV и Людовик XVI. В 1812 г. была запрещена публикация книги «Замечательные штрихи к жизнеописанию Генриха IV», принадлежавшая перу некоего Н.Л. Писсо. Ж.-М. Порталис докладывал министру об «Основах всеобщей истории» аббата Мийо в 1810 г. следующее: «Основ-

²⁵ Ibid.

²⁶ *Journal de l'Empire*. 04.04.1807. P. 4.

²⁷ Ibid.

ная трудность состоит в том, что речь идет о сочинении для начального образования, и мне не кажется ни нравственным, ни политически верным изобличать перед детьми при помощи таких подробностей ошибки их отцов, а также обнажать перед их взором фундаментальные основы, на которых после всего этого были воздвигнуты наши современные учреждения»²⁸. Исторические и мемуарные сочинения о Революции, написанные с республиканским или монархическим пристрастием, также не получали одобрения цензуры. Поэтому газетные публикации о былом величии Франции заставляли обратить внимание на слабость официальной историографии, избегавшей исторического анализа революционного десятилетия.

Подчас в неожиданном контексте можно было встретить на страницах наполеоновского официоза имена монархистов первых лет Революции. Имя журналиста Жака Малле дю Пана, умершего в эмиграции, но не утратившего известности во Франции, появилось в разделе «Смесь» в конце июня 1807 г. (еще до получения о победе при Фридрихсфельде). Здесь публиковалась рецензия на изданное по указанию императора и ставшее чрезвычайно знаменитым анонимное пропагандистское сочинение, направленное против Петербурга, «О политике и успехах российского могущества». Среди прочего, автор рецензии, подписавшийся инициалами «А.В.», анализировал знаменитое сочинение Малле дю Пана «Об угрозе политическому балансу или рассмотрении причин, разрушивших его на Севере» (1789). В данном случае газета не сочла нужным упомянуть о том, что последние годы жизни Малле дю Пан провел в Лондоне, публикуя *Mercurie britannique*.

Имя другого известного участника Революции, монархиста Т.-Ж. Лалли-Толандаля, вернувшегося во Францию при Наполеоне и жившего в провинции, появилось на страницах газеты в связи публикацией о трагических подробностях гибели его отца. В статье, посвященной лондонскому изданию «Писем маркизы Дюдеффан Горацию Уолполу с 1766 по 1780 г.», приводилась обширная цитата из частных документов об отце знаменитого депутата Генеральных штатов – маркизе Т.А. Лалли-Толандале, которого обвинили в сдаче Пондишери англичанам и казнили по приговору Парижского парламента и по воле короля. Возмущенный нарушением тайны семейной переписки, Лалли-Толандаль направил письменное опровержение редакторам *Journal de l'Empire*. Видимо, не только личные связи маркиза, но и неукоснительное соблюдение правил работы редакции имели важное значение: возмущенное письмо Лалли-Толандаля бы-

²⁸ Granata V. Op. cit. P. 102.

ло опубликовано в газете через несколько дней. Заметим – ни сам автор, ни газета не касались политических взглядов бывшего депутата²⁹.

Тема Бурбонов появлялась даже в заметках, посвященных архитектуре и памятникам. В июле 1807 г. в разделе «Искусства» появилась обстоятельная статья о необходимости реставрации разоренного революционерами аббатства Сен-Дени, автор которой коснулся многих королевских имен, в том числе и Людовика XVI³⁰. Избегая деталей варварского погрома в королевской усыпальнице, который учинила революционная толпа, автор все же осторожно давал понять о своем отношении к этим событиям.

Сочувствовавшие делу монархии редакторы *Journal de l'Empire* с интересом следили за событиями в жизни и карьере эмигрантов. В разделе международных новостей действовали строгие ограничения на публикацию сведений об эмигрантах, имевших отношение к дому Бурбонов, но даже здесь статьи о них иногда встречались. Дворяне-эмигранты в 1790-х гг. начали делать карьеру при дворах европейских государей, и многие добились успеха. Так, в мае 1806 г. была перепечатана заметка «из Франкфурта»: «Петербургская газета от 27 апреля сообщает, что французский эмигрант маркиз де Мэзонфор назначен коллежским советником в российском департаменте иностранных дел»³¹. Военные новости с упоминанием эмигрантов часто приходили из городов Германии: «Русская армия в Турции разделена на три армейских корпуса и один корпус авангарда. Командующий Михельсон расположился квартирой еще в конце декабря в Бухаресте. Различные корпуса находятся под командованием генералов Ришелье, Эссена, князя Долгорукого и генерала Милорадовича. Этот генерал – тот самый герцог Ришелье, который захватил Бендеры и затем оккупировал Бессарабию»³². Отметим, что в газете этого периода не приводится подробного описания сражений, что характерно для прессы времен Конвента, Директории и Консульства, в 1806–1812 гг. журналисты ограничиваются простыми упоминаниями имен. В канун кампании 1812 г. *Journal de l'Empire* сообщала даже незначительные подробности о маневрах войск и награждениях своих бывших соотечественников: «Курьер из Петербурга доставил генералам графу Ланжерону, Сасу и Эссену кресты Святого Владимира первого класса как вознаграждение за отличную службу в ходе последней кампании». Осенью того же года, когда обстоятельства похода в Россию были еще в

²⁹ *Journal de l'Empire*. 30.09.1811. P. 2–4.

³⁰ *Ibid.* 29.07.1807. P. 4.

³¹ *Ibid.* 20.05.1806. P. 2.

³² *Ibid.* 05.02.1807. P. 2.

Париже неизвестны, со ссылкой на Вену газета сообщала об эпидемиях в Одессе, упоминая и о герцоге Ришелье: «Эпидемическое заболевание разразилось на многих судах, пришедших из Леванта в Одессу, и в нем вскоре опознали признаки чумы. Герцог Ришелье, губернатор этого города, официально заявил дивану, что ущерб и потери не были так велики, как об этом заявили ранее. Однако вокруг Одессы он приказал соорудить кордон из войск и приказал, чтобы все перемещающиеся лица находились в карантине 15 дней»³³.

Имена древних дворянских родов на страницах парижской прессы фигурировали не только в новостях из высшего света и с полей сражений, но и в разделе криминально-судебной хроники. Привлекательность аристократического титула притягивала авантюристов. Так, в ноябре 1810 г. сообщалось о вердикте парижского уголовного суда в отношении некоего мошенника, который ловко объявил себя представителем древнего дворянского рода из Нормандии и тем самым с корыстными целями стал входить в доверие к знатным лицам. Этот же персонаж помог двум знакомым фальшивомонетчикам «приобрести» титулы герцога Шатильонского, камергера вестфальского короля и герцога Шазо д'Овернь из дома герцогов Бульонских³⁴.

Принцип «забвения» Бурбонов, строго соблюдавшийся чиновниками и журналистами императора, имел и свою оборотную сторону, ибо пропаганда лишалась излюбленного сюжета. Один из примеров такой выхолощенной пропаганды, на первый взгляд, не касавшейся возможности реставрации монархии во Франции, мы обнаруживаем в январском номере *Journal de l'Empire* за январь 1810 г., где помещена статья в виде «Письма маркиза де Мондехара своему сыну – члену севильской хунты». Воображаемый испанский маркиз всеми эпистолярными средствами на страницах наполеоновской газеты «убеждал» своего сына отказаться как от планов бегства в Америку, так и от вооруженного сопротивления французскому господству, предрекая ему во втором случае неизбежное поражение. Главным врагом испанцев парижская газета объявляла Англию, которая стремится лишить испанскую корону всех ее колоний и для этого лицемерно прикрывается поддержкой «дела Бурбонов»³⁵. Косвенно речь шла не только о Бурбонах испанских, но и о принцах французской династии, также оказавшихся на территории Англии.

³³ Ibid. 17.10.1812. P. 3.

³⁴ Ibid. 03.11.1810. P. 2–3.

³⁵ Ibid. 18.01.1810. P. 2.

Еще одно нехарактерное упоминание Бурбонов и роялистской эмиграции встречаем в ноябрьском номере газеты. Этот пример важен для понимания того, как в период похода в Россию военная пропаганда стремилась подчеркнуть ничтожное влияние роялистской эмиграции. Под заголовком «Россия, Москва, 17 октября» здесь помещено письмо графа Ф.В. Ростопчина графу С.Р. Воронцову от 30 июня 1801 г., якобы обнаруженное французами среди бумаг в доме московского военного губернатора. Сосланный в 1801 г. императором Павлом в подмосковное имение, бывший дипломат в этом письме заявлял: «Я рассматриваю Францию как правительство эфемерное, взаимный страх и зависть между Англией и Францией будут подталкивать оба этих государства к поиску средств, чтобы уничтожить друг друга. Коалиции и возможности, предоставляемые войной, не приведут ни к чему иному, как только к единству умов во Франции. Первая же кампания прояснила планы правительств, каждое из которых хотело заставить дорого заплатить за величие одного из Бурбонов... Контрреволюция существует только в проектах и словах авантюристов – эмигрантов и политических мечтателей»³⁶.

И словно дальнейшее эхо крупнейшего роялистского заговора – знаменитого заговора под руководством Ж.Ш. Пишегрю и Ж. Кадудала – прозвучали на страницах *Journal de l'Empire* в сентябре 1813 г. сообщения о трагической гибели прославленного генерала Виктора Моро, давнего оппонента французского императора. Несмотря на суровую цензуру в отношении новостей с полей сражений, в те моменты, когда погибали личные враги Наполеона, ограничения на републикации из зарубежных газет снимались (хотя и с добавлением тенденциозных комментариев), Моро относился именно к числу персональных врагов императора. Возмущение монарха выплеснулось в прессу, когда он узнал о присутствии Моро в штабе коалиции в битве при Дрездене. Газета спешила донести гнев Наполеона до сведения его подданных: «Одна из газет по поводу бывшего генерала Моро сегодня напоминает слова, с которыми умирающий Баярд обратился некогда к коннетаблю де Бурбону, возглавляющему врагов Франции, который, находясь у оврага героя, не мог скрыть своих слез. “Не плачьте обо мне, – заявил он с возмущением рыцаря без страха и упрека, – я умираю за моего короля, плачьте о самом себе, изменившем своей родине!” К этому рассказу можно добавить еще и другой, подтверждающий истину, ставшую тривиальной: изменники презираемы даже теми, кто извлекает выгоду из этой измены...»³⁷ По мнению

³⁶ Ibid. 06.11.1812. P. 2

³⁷ Ibid. 06.09.1813. P. 2.

Наполеона, прославленный республиканский генерал являлся более опасным врагом, нежели скитавшиеся по Европе Бурбоны. Спустя день (8 сентября) газета публиковала новость о смертельном ранении Моро. В статье было подробно изложено несчастье, произошедшее на поле боя, и мучения смертельно раненого генерала, в конце заметки имелась и ссылка на то, что сведения исходили от его слуги-индейца³⁸. По утверждению парижских журналистов, Моро был предателем и скончался «среди врагов своей страны»³⁹.

Критический момент для пропагандистской машины империи наступил после сражения при Бауцене и летнего перемирия с коалицией в 1813 г., когда от эффективности пропаганды во многом зависела судьба императора. В вопросах внутренней политики Наполеон придерживался более консервативных позиций, чем его министр Савари. Готовый на любые шаги, император, тем не менее, рассматривал пропаганду и военную цензуру как неразделимые понятия. Перед лицом военного вторжения он желал объединить вокруг трона все «живые силы нации», но столкнулся с оппозицией традиционно молчаливого Законодательного корпуса, который неожиданно предложил императору перечень либеральных мер для спасения страны, которые он категорически отверг, и, минуя Законодательный корпус, обратился с патриотическим призывом непосредственно к нации⁴⁰. Власти декретировали всеобщий призыв в армию и направили в департаменты «комиссаров», которым поручалось стимулировать энтузиазм французов и наблюдать за действиями префектов. Но уже в начале 1814 г. стало ясно, что созыв ополчения потерпел неудачу, и дело было не только в том, что посланцам императора не хватало республиканского пыла времен Конвента. Завоеватели, угрожавшие в 1814 г. Франции, были совсем иными, нежели в 1793 г. Австрийцы и пруссаки на оккупированных территориях не восстанавливали Старый порядок, повсеместно декларировали, что ведут войну против Наполеона, а не против Франции, и избегали заявлений о реставрации Бурбонов как о главной цели военной кампании. Кроме того, между союзниками не было согласия ни по поводу самих Бурбонов, ни по поводу характера политической системы после свержения Наполеона⁴¹.

³⁸ Ibid. 08.09.1813. P. 2. (Статья о гибели Моро в битве при Дрездене.)

³⁹ Ibid. 14.09.1813. P. 2.

⁴⁰ Melchior-Bonnet B. Un policier dans l'ombre de Napoléon, Savary, duc de Rovigo. Paris, 1962. P. 234.

⁴¹ Sutherland D. M. G. Révolution et Contre-Révolution en France 1789–1815. P., 1991. P. 432. О кампании 1813–1814 гг. см. также: Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу 1807–1814. М., 2012. С. 642–645.

На протяжении 1813–1814 гг. правительство неустанно занималось созданием образов «врага». В ход шли устойчивые представления об австрийцах, пруссаках и казаках. Наступавшую русскую армию ожидали как восточную орду, пеструю, говорящую на многих языках, одетую в национальные традиционные костюмы. В этой связи изображение французскими публицистами и художниками русских в образе казаков, башкир или других специфических этнических групп вполне соответствовало той стратегии, которой придерживались сами русские публицисты и художники с 1812 г., изображая армию Наполеона как скопление разных народов и специально подчеркивая лингвистическую разнородность «чужих»⁴². По мнению специалистов в области визуальной имажологии, особая стратегия дегуманизации противника уже в 1812 г. активно применялась также в русской публицистике и графике: различными путями европейцы, представляемые в образе басурман, грабителей и демонов, как бы выводились из нормативного поля жизни. Богатейший фольклорный материал подтверждает данные выводы, сделанные на основе иконографии⁴³. Утрированная гиперболизация злой воли врага и избыточная жестокость – наиболее характерные примеры пропаганды того времени. Заметим, что при всем обилии сведений об армиях коалиции в нем практически не встречаются упоминания деятелей роялистской эмиграции. Ни пропагандистский опыт войн Директории, ни еще более разнообразные приемы ведомства Фуше и Савари на этот раз не были использованы в отношении Людовика XVIII и других Бурбонов.

Реорганизация прессы и цензуры в 1810 г., а затем и военные кампании 1812–1814 гг. заметно повлияли на содержание газет. Новостей, имевших отношение к реальности – в них стало еще меньше. Например, *Journal de l'Empire* в январе 1814 г. сообщала о прекрасном состоянии французской армии, о развлечениях, в том числе о «космораме» в Палеруаля, о пиренейских медведях⁴⁴, необычных обитателях морского дна, но ничего о возможном поражении в войне.

Последняя попытка воспользоваться силой печатной пропаганды была предпринята императором в январе-феврале 1814 г. Это недовольство в первую очередь относилось к докладам министра о состоянии дел в армии противника и в оккупированных районах, а во вторую – к прессе. Наполеон требовал от министерства полиции опубликовать в первую оче-

⁴² Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. С. 169.

⁴³ Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // ФЕ 2012. М., 2012. С. 350.

⁴⁴ *Journal de l'Empire*. 17.01.1814. P. 4.

редь сведения о храбрости воинов, о жестокости солдат союзников, цитировать письма очевидцев, чтобы вся Франция поднялась против завоевателей. В ответ на бездействие министра полиции Наполеон все чаще писал резкие выговоры: «На самом деле трудно быть более инертным, чем теперь в Париже... Вы там спите и говорите глупости»⁴⁵.

Публикации об эмигрантах-роялистах в 1814 г. на страницах *Journal de l'Empire* были совсем не многочисленны. *Journal de l'Empire* в январе 1814 г. сообщала: «Нас уверяют в сообщениях из Дижона, что некто сеньор Антони де Грэй, эмигрант, агент для интриг и разбоя, задумал переодеться казаком, чтобы вернуться в свои владения во Франш-Конте. Но он был убит, когда собирался предъявить претензии в тех землях, что раньше принадлежали ему. А ведь прокламации союзников гарантировали защиту и безопасность всем собственникам!»⁴⁶ – восклицал журналист. Спустя примерно месяц в разделе парижской хроники сообщалось о новостях из Труа, сначала взятом войсками союзников, а потом временно освобожденном от русских. «Сеньор Го, бывший эмигрант, и сеньор де Видеранж, бывший член личной охраны короля, заявили, что переходят на сторону врага, и приняли крест Святого Людовика. Они были преданы суду превотальной комиссии и приговорены к смерти. Первый из них был казнен, второй приговорен заочно»⁴⁷. Можно предположить, что воюющий против Франции эмигрант в 1814 г. для парижских журналистов и цензоров – это персонаж, безусловно, негативный, опасный, готовый к мифическим перевоплощениям и неожиданным поступкам, но созданный пропагандистским воображением.

Напомним в этой связи, что гораздо более ярким примером дикости союзных армий в ту эпоху служил казак. Образ этих неведомых большинству французов «обитателей степей» успешно эксплуатировался наполеоновской военной пропагандой для мобилизации населения. И только в сатирической графике 1814-1816 гг. появился расхожий образ верного спутника Людовика XVIII – казака с колпаком-гасильником⁴⁸. Тем самым противники Реставрации подчеркивали, что Бурбоны и их иноземные союзники выступают как борцы с наследием Просвещения.

Император негодовал по поводу методов руководства газетами, но не имея возможности мгновенно заменить Савари, он создал при министре комитет из своих личных представителей (Буле де ла Мерта, Деренода,

⁴⁵ *Melchior-Bonnet B.* Op. cit. P. 246.

⁴⁶ *Journal de l'Empire.* 22.01.1814. P. 4.

⁴⁷ *Journal de l'Empire.* 28.02.1814. P. 2.

⁴⁸ *Кабакова Г.И.* Свечкоед: Образ казака во французской литературе XIX века // Новое литературное обозрение. № 34. 1999. С. 64–68.

Пеленка) и трех директоров парижских газет (Этьена, Тиссо и Гэя), которым было поручено усовершенствовать способы презентации новостей. Эта мера уязвила министра, испытывавшего ревность к своим «конкурентам», и он поспешил возложить на комитет вину за все ошибки⁴⁹. Однако при всех усилиях министерства полиции и комитета роялистская тема так и не была развернута в полной мере.

Тем временем к марту 1814 г. юг Франции представлял собой тревожную картину. Роялисты там действовали почти беспрепятственно, и полиция была неспособна им помешать. Уже с января различные их листовки и воззвания Людовика XVIII активно распространялись в городах. 12 марта мэр Бордо Ж.-Б. Линч договорился о входе в город англичан и провозгласил восстановление власти Бурбонов. Прочие французские города, однако, не спешили следовать этому примеру; переговоры Наполеона с союзниками продолжались вплоть до 19 марта. Как всегда проницательный, Талейран в эти дни писал герцогине Курляндской, подразаумевая новую роль Бурбонов: «Если мир не будет заключен, Бордо станет чем-нибудь очень важным»⁵⁰.

Полагая нахождение в столице Талейрана опасным в условиях наступления на Париж, в начале марта император направил герцогу Ровиго приказ выслать князя Беневентского из города. Получив этот приказ, Савари обратился к Лавалетту, не скрывая своего ужаса: «О чем думает император? Смогу ли я сдерживать всех роялистов Франции? Может быть, он еще хочет взвалить Сен-Жерменское предместье на мои плечи? Один Талейран сдерживает его и мешает ему делать глупости. Я не буду исполнять этот приказ, и позже император будет мне за это благодарен»⁵¹.

* * *

Едва 31 марта 1814 г. части русской и прусской гвардии торжественно вошли в Париж, как там начались демонстрации роялистов, что немало удивило русского царя и прусского короля, ибо до этого момента на оккупированных территориях французы не отличались восторженным отношением к Бурбонам⁵². События разворачивались с невероятной скоростью. Первой официальной инстанцией, высказавшейся за восстановление Бурбонов, стал генеральный совет департамента Сена, 1 апреля

⁴⁹ *Melchior-Bonnet B.* Op. cit. 245.

⁵⁰ *Waresquiel E. de, Yvert B.* Op. cit. P. 29.

⁵¹ *Melchior-Bonnet B.* Op. cit. P. 250.

⁵² *Ливен Д.* Россия против Наполеона: борьба за Европу 1807–1814. М., 2012. С. 642. См. подробнее о пребывании войск коалиции в Париже: *Мильчина В.А.* Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. М., 2013.

принявший воззвание, в котором перечислял все беды Франции, заявлял об отказе подчиняться Наполеону Бонапарту и призывал восстановить на троне Бурбонов⁵³. В резолютивной части воззвания выражалось «настоятельное желание восстановить монархическое правительство в лице Людовика XVIII и его легитимных наследников»⁵⁴.

После капитуляции Парижа и вступления в него союзных войск газета *Journal de l'Empire*, сменив название на *Journal des débats*, с усердием принялась за развенчание «нового Аттилы, залившего невинной кровью всю Европу»⁵⁵. Даже не дожидаясь официального отречения или низложения императора, газета сообщала о действиях «нового монарха» – Людовика XVIII. На ее страницах герцог Веллингтон патетически призывал «благоразумных и миролюбивых» французов встать под «белое знамя – древний символ благополучия», уверяя, что, «поддержав потомков Людовика Святого, французы навсегда обеспечат себе личное спокойствие, спокойствие и мир своей родине, Европе и всему миру»⁵⁶.

4 апреля маршалы Ней, Бертье и Лефевр убедили Наполеона отречься от престола в пользу сына – римского короля. По остроумному замечанию современников, это был настоящий «брюмер наизнанку». Словно в подтверждение этой острооты, в Париже сенаторы – бывшие термидорианцы и брюмерианцы – проголосовали за отречение Наполеона от престола и теперь трудились над созданием новой конституции, которая бы установила двухпалатную парламентскую монархию⁵⁷. Было срочно сформировано временное правительство, а 6 апреля Сенат официально призвал Людовика XVIII на французский трон.

* * *

В этой статье мы проанализировали материалы *Journal de l'Empire* о французских эмигрантах, появившиеся в 1806–1814 гг. Несмотря на

⁵³ См.: Тюлар Ж. Указ. соч. С. 325.

⁵⁴ *Journal des débats politiques et littéraires*. 02.04.1814. P. 4.

⁵⁵ *Ibid.* 04.04.1814. P. 1.

⁵⁶ *Ibid.* 02.04.1814. P. 1. «За годы, минувшие с тех пор, когда в Наполеоне видели второго Монка, Людовик тоже проделал большую эволюцию: еще несколько лет наперекор нежеланию Европы он продолжал навязывать ей себя как орудие для прекращения войн на континенте. В потрясениях и испытаниях, которые он пережил за годы изгнания, Людовик XVIII не показал себя ни предвосхищающим события патриотом, ни ловким защитником своих прав. Вынужденно ограниченный в своих возможностях только такими инструментами, как заговор и интрига, он становится другим человеком. В его уме иллюзии и бесплодные мечты уступают место плодотворным раздумьям. Несчастья укрепили его веру в свои непризнанные права, подготовили его к королевским обязанностям». – Daudet E. Histoire de l'émigration. Les Bourbons et la Russie pendant la Révolution française. P., 1886. P. 330.

⁵⁷ Тюлар Ж. Указ. соч. С. 327.

цензуру, в центральной печати постоянно выходили публикации, связанные с темой правления Людовика XVI, упоминались некоторые деятели эмиграции. Угроза реставрации Бурбонов не рассматривалась как реальная и потому не привлекала внимания. Редакция старалась следовать указанию императора не писать о Бурбонах ничего. Тем не менее в *Journal de l'Empire* упоминания об известных военных и политиках-эмигрантах появлялись в новостях о России, о других странах Европы, в сообщениях о военных кампаниях, и все эмигранты представляли как частные лица или подданные других монархов (за исключением вернувшихся на родину). Критика монархии в печати была запрещена, а прославление подвигов средневековых монархов поощрялось.

«Эзопов язык» прессы, а чаще ее неуместная лесть в адрес императора раздражали и полицейское ведомство, и самого Наполеона, но, в силу ряда причин, уничтожая печатные издания и закрывая типографии, власти предпочитали сохранять несколько управляемых столичных газет с наилучшей репутацией, своеобразные «маяки» общественного мнения, среди которых первое место принадлежало *Journal de l'Empire*. Таким образом, Бонапарт последовательно утверждал в публичном пространстве специфическую систему военной пропаганды, несовместимую с традициями периодики эпохи Революции. Однако ужесточение цензуры имело плачевный итог: в 1814 г. пропаганда не смогла сохранить империю и поднять патриотический энтузиазм.

Примеры упоминания роялистской эмиграции и Бурбонов в прессе показывают, в каких редких случаях цензура все же допускала публичные альтернативные высказывания, которые не влекли за собой уничтожение печатного органа. Эта противоречивая идеологическая конструкция не могла быть устойчивой, а нарочитое «забвение» Бурбонов добавляет важный штрих к истории наполеоновской печати. Интересен и тот факт, что образ роялистов и Бурбонов как участников антифранцузской коалиции в 1813–1814 гг. не был широко использован в официальной пропаганде. Тем самым становится понятнее, почему романтический миф о преемственности традиций и миролюбивые декларации Бурбонов получили столь широкое распространение в 1814 г. и новый политический режим конституировался именно вокруг восстановленной династии.